

вом, ограничился только тем, что дал свое слово султану и получил взамен то же самое. Между прочим он возвестил, что святой город сдан ему, и он войдет в него накануне того воскресенья, когда поют: «Очи мой» и т. д. На следующий день он вступил в церковь Гроба, в противность всем правилам и обычаям, так как он был отлучен, и возложил корону на голову, к явному ущербу чести и величества императорского; между тем сарацины продолжали удерживать в своих руках храм Господень и храм Соломона, а закон Магомета, как и прежде, был дозволен публично, к немалому стыду и горю пилигримов. Потом, в следующий понедельник, император, обещавший несколько раз укрепить город, оставил город на рассвете дня, ни с кем не простившись, между тем как братья тамплиеры и иоанниты предлагали ему свое сильное содействие, если он, сообразно обещанию, займется укреплением города. Но он, мало заботясь об исправлении зла и видя, что овладение Иерусалимом было делом неважным, так как город в настоящее его положение не мог ни защищаться, ни сопротивляться, ограничился одними разговорами и в тот же день отправился в Иоппе вместе со своими людьми. В следующее воскресенье, когда поют: «Возрадуйся, Иерусалиме», он прибыл в Аккоп, где склонил жителей на свою сторону, дав им некоторые привилегии, чтобы тем заслужить их расположение. Знает Бог, к чему он действовал так, но последствия обнаружили все. Когда наступило время плаванья, все пилигримы, малые и большие, считая свой обет исполненным, так как они посетили св. Гроб, вознамерились, по общему согласию, оправиться назад. Но так как мы не заключали никакого перемирия с султаном Дамаска, то и видели в этом то, что пилигримы бросили св. землю на произвол судьбы. Находясь в таком опасном положении, мы решились для общего блага устроить кошницу на счет денег, которые составляли благочестивые пожертвования блаженной памяти французского короля. Император, узнав о том, дал нам знать, что он удивляется нашим приготовлениям, так как у него заключено перемирие с султаном Вавилона. Мы ему отве-

чали, что железо еще остается в ране, ибо с султаном Дамаска нет мира, ни перемирия, и оба эти султана имеют различные мнения по этому предмету. Далее мы говорили, что, несмотря на вавилонского султана, султан Дамаска может нам причинить еще много зла. На это император отвечал, что, сделавшись раз королем Иерусалима, он не может позволить вооружения конницы без своего согласия или совета. А мы ему в ответ на это говорили, что, к нашему величайшему сожалению, мы не можем, не подвергая опасности своей души, обратиться к нему по этому или по какому-нибудь другому делу, ибо он отлучен от церкви. На этот раз император оставил нас без ответа; но на следующий день он созвал через глашатая всех пилигримов, находившихся в Акконе, приглашая их собраться за городом, прелаты же и духовные получили особые письма, в которых они созывались на морской берег. Император явился туда лично и начал горько жаловаться на нас, причем клевета следовала за клеветой. Потом он папал на великого магистра тамплиеров, человека всеми уважаемого, и старался различными обвинениями, ни на чем не основанными, публично очернить его славу; он хотел на других свалить свои собственные промахи, которые были слишком для всех очевидны. В заключение он прибавил, что к ущербу его власти и к великому неудобольствию мы позволяем себе содержать на своем жалованье кошницу. Вследствие всего того он приказал всем рыцарям, к какой бы нации они ни принадлежали, немедленно оставить св. землю, если им дороги их жизнь и имущество, прибавив сверх того графу Фоме, которого он намеревался оставить наместником в Палестине, чтобы он телесно наказывал всякого, кто останется, несмотря на запрещение, но так, чтобы наказание одного сделалось страшным уроком для многих. Объявив таким образом свою волю, он не принял никаких извинений и, не выслушав ответа на все сказанные им низости, удалился. Немедленно, по его приказанию, у городских ворот были поставлены стрелки с приказанием выпускать тамплиеров из города, но не впускать назад. Сверх того, он распорядился поместить